

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сельма Лагерлёф

**ЛЕГЕНДЫ
О ХРИСТЕ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Сельма Лагерлёф
Легенды о Христе

Издательство «Детская литература»

Лагерлёф С.

Легенды о Христе / С. Лагерлёф — Издательство «Детская литература», — (Школьная библиотека (Детская литература))

В книгу вошли легенды о Христе, написанные под впечатлением путешествия знаменитой шведской писательницы по странам Ближнего Востока. Это законченное художественное произведение с высоким нравственно-гуманистическим содержанием.

Содержание

Старая шляпа детства	6
Святая ночь	11
Видение императора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сельма Лагерлёф Легенды о Христе

Selma Lagerlöf

1858–1940

Старая шляпа детства (О Сельме Лагерлёф)

«Большинство людей сбрасывают с себя детство, как старую шляпу, и забывают его, как ставший ненужным номер телефона. Настоящий человек только тот, кто, став взрослым, остается ребенком». Эти слова принадлежат известному немецкому детскому писателю Эриху Кёстнеру.

К счастью, в мире не так мало людей, которые забыли или не захотели в юности сбросить с себя старую шляпу детства. Некоторые из них – писатели-сказочники.

Сказка – первая книга, которая приходит к ребенку. Сначала сказки малышам читают родители, дедушки и бабушки, затем дети подрастают и начинают читать их сами. Как же важно, чтобы в руки взрослым – ибо именно они покупают и приносят в дом книги – попали хорошие сказки.

Шведским родителям в этом отношении очень повезло. Народные предания, легенды и сказки в Швеции любили всегда. Именно на основе фольклорных произведений, произведений устного народного творчества, на Севере была создана литературная, или авторская, сказка.

Нам известны имена Сельмы Лагерлёф, Захариуса Топелиуса, Астрид Линдгрен и Туве Янссон. Эти сказочники писали на шведском языке. Они подарили нам книги про Нильса Хольгерссона, отправившегося в путешествие по родной стране вместе с гусаксом Мартином (или Мортенем), сказки о Сампо-Лопарёнке и портном Тикке, пришившем Швецию к Финляндии, веселые повести о Малыше и Карлсоне, о Пеппи Длинный-чулок и, конечно, волшебную сагу о семействе Муми-троллей.

Пожалуй, менее всего в нашей стране известно творчество Сельмы Лагерлёф. Ее считают прежде всего «взрослой» писательницей. Однако это совсем не так.

Сельма Лагерлёф прославилась во всем мире (и в нашей стране) прежде всего как детский писатель своей книгой «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906–1907), в которой были использованы сказки, предания и легенды провинций Швеции. Но знаете ли вы, что эта книга – не просто сказка, а роман, да еще к тому же настоящий учебник географии для шведских школ?

Учебник этот долгое время не принимали в школах, учителя и строгие родители считали, что вовсе ни к чему их детям получать удовольствие от учебы. Однако писательница Лагерлёф придерживалась иного мнения, ибо воспитывалась в совершенно необычной для конца XIX века семье, где старшее поколение не сомневалось в необходимости развивать в детях фантазию и рассказывать им волшебные истории.

Сельма Луиса Оттилия Лагерлёф (1858–1940) родилась в дружной и счастливой семье отставного военного и учительницы, в усадьбе Морбакка, расположенной на юге Швеции, в провинции Верmland.

Жизнь в Морбакке, сказочная атмосфера старинной шведской усадьбы оставили неизгладимый след в душе Сельмы. «Никогда не стала бы я писательницей, – признавалась она впоследствии, – если бы не выросла в Морбакке, с ее старинными обычаями, с ее богатством преданий, с ее добрыми, дружелюбными людьми».

Детство Сельмы было очень тяжелым, хотя и была она окружена любящими родителями, четырьмя братьями и сестрами. Дело в том, что в трехлетнем возрасте она перенесла детский паралич и потеряла возможность двигаться. Лишь в 1867 году в специальном институте в Стокгольме девочку смогли вылечить, и она стала самостоятельно ходить, но на всю жизнь осталась хромой.

Однако Сельма не унывала, ей никогда не было скучно. Отец, тетя и бабушка рассказывали девочке предания и сказки родного Верmland, да и сама будущая сказочница очень любила читать, а с семи лет уже мечтала стать писательницей. Даже в столь юном возрасте Сельма много писала – стихи, сказки, пьесы, но, конечно, они были далеки от совершенства.

Домашнее образование, полученное писательницей, было выше всяческих похвал, но его надо было продолжать. И в 1882 году Сельма поступает в Королевское высшее учительское училище. В том же году умирает ее отец, и любимая Морбакка продается за долги. Это был двойной удар судьбы, но писательница смогла выстоять, окончить училище и стала учительницей в школе для девочек в городе Ландскруна на юге Швеции. Сейчас в городе на одном из небольших домов висит мемориальная доска, в память о том, что именно там Лагерлёф написала свой первый роман, благодаря которому она состоялась как писательница, – «Сагу о Йёсте Берлинге» (1891). За эту книгу Лагерлёф получила премию журнала «Идун» и смогла оставить школу, посвятив себя целиком писательскому труду.

Уже в первом своем романе писательница использовала известные ей с детства сказания родной Южной Швеции и впоследствии неизменно возвращалась к фольклору Скандинавии. Сказочные, волшебные мотивы есть во многих ее произведениях. Это и сборник новелл о Средневековье «Королевы Кунгахеллы» (1899), и двухтомный сборник «Тролли и люди» (1915–1921), и повесть «Сказание о деревенской усадьбе», и, конечно, «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906–1907).

Сельма Лагерлёф верила в сказки и легенды и могла их талантливо пересказывать и придумывать для детей. Она и сама стала легендарной фигурой. Так, рассказывают, что идею «Удивительного путешествия Нильса...» писательнице подсказал... гном, повстречавшийся ей как-то вечером в родной Морбакке, которую писательница смогла выкупить, уже будучи известной, в 1904 году.

В 1909 году Лагерлёф была присуждена Нобелевская премия. На церемонии вручения писательница осталась верна себе и вместо серьезной и рассудительной благодарственной речи рассказала... о видении, в котором ей предстал отец «на веранде в саду, полном света и цветов, над которыми кружились птицы». Сельма в видении рассказала отцу о присуждении ей премии и о своем страхе не оправдать огромную честь, оказанную ей Нобелевским комитетом. В ответ отец после небольшого раздумья стукнул кулаком по подлокотнику кресла и грозно ответил дочери: «Я не собираюсь ломать голову над проблемами, которые невозможно решить

ни на небе, ни на земле. Я слишком счастлив оттого, что тебе дали Нобелевскую премию, и не намерен беспокоиться о чем-либо еще».

После вручения премии Лагерлёф продолжала писать о Вермланде, его легендах и, конечно, о семейных ценностях.

Она очень любила детей и была прекрасной рассказчицей. Даже самые скучные вещи, как, например, курс географии Швеции, ей удавалось рассказать весело и интересно.

Прежде чем создать «Удивительное путешествие Нильса...», Сельма Лагерлёф извезла почти всю страну, внимательно изучила народные обычаи и обряды, сказки и предания Севера. В основе книги лежат научные сведения, но облечены они в форму приключенческого романа. Нильс Хольгерссон похож на Мальчика-с-пальчика, но он не сказочный герой, а непослушный ребенок, приносящий много огорчений своим родителям. Путешествие с гусиной стаей позволяет Нильсу не только много повидать и многому научиться, познать мир животных, но и перевоспитаться. Из злого и ленивого сорванца он превращается в доброго и отзывчивого мальчика.

Именно таким послушным и милым ребенком и была в детстве сама Сельма Лагерлёф. Ее родители не просто любили своих детей, они старались правильно воспитать их, привить им веру в Бога и стремление жить по заповедям Божиим.

Сельма Лагерлёф была глубоко верующим человеком, и потому особое место в ее творчестве занимают христианские легенды. Это, прежде всего, «Легенды о Христе» (1904), «Легенды» (1904) и «Сказка о сказке и другие сказки» (1908).

Писательница считала, что, слушая в детстве сказки и рассказы взрослых, ребенок формируется как личность, получает основные представления нравственности и морали.

Образ Иисуса из Назарета явно или незримо присутствует во всех произведениях писательницы. Любовь ко Христу как смысл жизни является главным мотивом в таких произведениях, как новелла «Астрид» из цикла «Королевы Кунгахеллы», в книге «Чудеса Антихриста» и двухтомном романе «Иерусалим». В Иисусе Христе Лагерлёф видела центральный образ человеческой истории, ее смысл и цель.

«Легенды о Христе» – одно из важнейших произведений Сельмы Лагерлёф, написанное в простой и доступной детям манере.

Цикл этот важен для понимания не только всего творчества Лагерлёф, но и личности самой писательницы, ибо именно в «Легендах о Христе» возникает образ одного из самых любимых Лагерлёф людей – ее бабушки.

Маленькая Сельма, лишенная возможности бегать и играть со сверстниками, всегда была увлеченной слушательницей бабушкиных историй. Мир ее детства, несмотря на физическую боль, был наполнен светом и любовью. Это был мир сказки и волшебства, в котором люди любили друг друга и старались помочь ближнему в беде, протянуть руку помощи страждущему и накормить голодного.

Сельма Лагерлёф считала, что нужно верить в Бога, почитать и любить Его, знать Его учение о том, как следует относиться к миру и людям, чтобы жить свято, достигнуть спасения и вечного блаженства. Она была убеждена в том, что любой христианин должен знать Божественное учение о происхождении мира и человека и о том, что с нами будет после смерти. Если человек ничего этого не знает, считала писательница, то жизнь его лишается всякого смысла. Не знающий, как нужно жить и почему нужно жить так, а не иначе, подобен ходящему во тьме.

Изложить учение христианской веры и сделать его понятным ребенку очень трудно, однако Сельма Лагерлёф нашла свой путь – она создала цикл легенд, каждая из которых читается как самостоятельная увлекательная история.

Лагерлёф поочередно обращается к евангельским событиям земной жизни Иисуса Христа: это и поклонение волхвов («Колодец Мудрецов»), и избивание младенцев («Вифлеемский

младенец»), и бегство в Египет, и детство Иисуса в Назарете, и Его приход в храм, и Его страдания на кресте.

Каждое событие жизни Иисуса Христа излагается не в строгой и сухой канонической форме, а в увлекательной для ребенка манере, часто с совершенно неожиданной точки зрения. Так, крестные страдания Иисуса рассказывает маленькая птичка из легенды «Красношейка», а об истории бегства Святого семейства в Египет читатель узнает от... старой финиковой пальмы.

Часто легенда вырастает из одной лишь детали или упоминания, которые есть в Священном Писании, тем не менее писательница неизменно следует духу евангельских описаний земной жизни Иисуса.

Поскольку далеко не все сейчас знают историю жизни и вознесения Иисуса Христа, то мы считаем нужным рассказать здесь кратко о Его земных днях, поскольку предварительные сведения помогут вам лучше понять легенды Сельмы Лагерлёф.

Иисус Христос – Сын Божий и Бог, живший на земле как человек 33 года. До 30 лет Он жил в бедном галилейском городе Назарете с Матерью Своей Марией и Ее обручником Иосифом, разделяя его домашние труды и ремесло, – Иосиф был плотником. Потом явился Он на реку Иордан, где принял крещение от Своего Предтечи (предшественника) – Иоанна. После крещения Христос провел в пустыне сорок дней в посте и молитве; здесь выдержал Он искушение от диавола и отсюда явился в мир с проповедью о том, как нам жить и что делать, чтобы войти в Царствие Небесное. Проповедь и вся земная жизнь Иисуса Христа сопровождалась многочисленными чудесами. Несмотря на это, иудеи, обличаемые Им в своей беззаконной жизни, возненавидели Его, и ненависть возросла до того, что после многих мучений Иисус Христос был распят на кресте между двумя разбойниками. Умерший на кресте и погребенный тайными учениками, Он, силой Своего всемогущества, на третий день после Своей смерти воскрес и по Воскресении в продолжение сорока дней многократно являлся верующим, раскрывая им тайны Царствия Божия. В сороковой день, в присутствии Своих учеников, Он вознесся на небо, а в пятидесятый – послал им Духа Святого, просвещающего и освящающего всякого человека. Со стороны Спасителя страдания и крестная смерть были добровольной жертвой за грехи людей.

Господь хотел, чтобы человек изменился, научился жить в любви и смирении, и потому свой цикл легенд о Нем писательница заканчивает историей «Свеча от Гроба Господня» – о преображении буйного нравом рыцаря-крестоносца. Он перерождается, становится совсем другим человеком, добрым и кротким, готовым на жертву ради блага другого человека.

Сельма Лагерлёф, которая никогда не забывала про старую шляпу детства, всегда верила, что человек может измениться к лучшему, как рыцарь Раньеро ди Раньери или как Нильс Хольгерссон.

Постарайтесь измениться и вы, прочтя эту книгу!

Наталья Будур

Святая ночь

Когда мне было пять лет, я пережила очень большое горе. Пожалуй, это было самое крупное горе, какое только выпадало на мою долю. У меня умерла бабушка. До самой своей смерти она проводила все время, сидя в своей комнате на угловом диване и рассказывая нам сказки. Помню я о бабушке очень мало. Помню, что у нее были красивые, белые как снег волосы, что ходила она совсем сгорбившись и постоянно вязала чулок. Потом я еще помню, что, рассказывая какую-нибудь сказку, она, бывало, положит мне на голову руку и скажет: – И все это правда... Такая же правда, как и то, что мы сейчас видим друг друга.

Припоминается мне также, что она умела петь славные песни, только пела их не часто. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и русалке. У этой песни был припев:

А по морю, а по морю дул холодный ветер!

Помню я еще одну молитву и псалом, которым она меня научила. Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось слабое, смутное воспоминание, и только одну из них я помню так ясно, что могу ее пересказать. Это небольшая легенда о Рождестве Христове.

Вот, кажется, и все, что я помню о своей бабушке, кроме, впрочем, того чувства ужасного горя, которое я испытала, когда она умерла. Это я помню лучше всего. Словно вчера это было – так помню я утро, когда диван в углу вдруг оказался пустым и я не могла даже себе представить, как пройдет этот день. Это я помню вполне ясно и никогда не забуду.

Помню, как нас привели проститься с бабушкой и велели поцеловать ей руку, и как мы боялись поцеловать покойницу, и как кто-то сказал, что мы должны поблагодарить ее в последний раз за все те радости, которые она нам доставляла.

Помню я, как все наши сказки и песни положили вместе с бабушкой в длинный черный гроб и увезли... увезли навсегда. Мне казалось, что что-то исчезло тогда из нашей жизни. Как будто дверь в чудную, волшебную страну, по которой мы раньше свободно бродили, закрылась навсегда. И уж никто потом не сумел отворить эту дверь.

Мы, дети, постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить, как живут все другие дети. И со стороны можно было подумать, что мы перестали тосковать о бабушке, перестали ее вспоминать.

Но и теперь еще, хотя с тех пор прошло сорок лет, в моей памяти ясно встает небольшая легенда о Рождестве Христове, которую мне не раз рассказывала бабушка. И мне самой хочется рассказать ее, хочется и ее включить в сборник «Легенды о Христе».

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все, кроме бабушки и меня, уехали в церковь. Только мы вдвоем, кажется, и остались во всем доме. Одна из нас была слишком стара, чтобы ехать, а другая – слишком мала. И обоим нам было грустно, что не придется услышать рождественский гимн и полюбоваться сиянием рождественских свечей в церкви. И бабушка, чтобы разогнать нашу грусть, принялась рассказывать.

– Однажды темной ночью, – начала она, – один человек отправился раздобыть огня. Он ходил от одного дома к другому, стучался и говорил: «Помогите мне, добрые люди! Жена моя родила ребеночка... Надо развести огонь и согреть ее и младенца».

Но дело было ночью, все уже спали, и никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец он заметил вдали огонек. Он направился в ту сторону и увидел разведенный костер. Вокруг костра лежало стадо белых овец. Стадо сторожил старый пастух.

И вот человек, которому было нужно добыть огонь, подошел к овцам и увидел, что у ног пастуха лежат три большие собаки. При его приближении все три собаки проснулись, раскрыли свои широкие пасти, словно собираясь залаять, но не издали ни малейшего звука. Человек видел, как шерсть у собак на спине стала дыбом, как засверкали их белые зубы и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна собака схватила было его за ногу, другая – за руку, а третья впиалась было ему в горло. Но челюсти и зубы не повиновались собакам, и они, не причинив ему ни малейшего вреда, отошли в сторону.

Тогда человек направился к костру, но овцы так плотно прижались друг к другу, что нельзя было пробраться между ними. Тогда он прошел по их спинам к костру, и ни одна из них не проснулась и даже не пошевелилась.

До сих пор бабушка рассказывала не останавливаясь, и я не прерывала ее, но тут у меня невольно вырвался вопрос:

– Почему же, бабушка, овцы продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? – спрашиваю я.

– Подожди немного, узнаешь! – говорит бабушка и продолжает свой рассказ.

– Когда человек этот почти дошел до костра, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, относившийся ко всем подозрительно и неприветливо. Когда он увидел приближавшегося к нему незнакомца, он схватил длинный, заостренный на конце посох, с которым ходил всегда за стадом, и бросил в него. Посох со свистом полетел прямо по направлению к незнакомцу, но, не долетая до него, отклонился и, пролетев мимо, со звоном упал в поле.

Бабушка хотела продолжать, но я опять перебила ее:

– Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка, не обратив внимания на мой вопрос, уже продолжала рассказ:

– Тогда незнакомец подошел к пастуху и сказал ему: «Помоги мне, друг мой. Дай мне огоньку. Жена моя родила ребеночка, и надо развести огонь, согреть ее и младенца!»

Пастух хотел ему отказать, но когда вспомнил, что собаки не могли укусить этого человека, овцы не испугались и не разбежались от него и посох не задел его, ему стало жутко, и он не посмел отказать незнакомцу.

«Бери сколько хочешь!» – сказал пастух. Но костер уже почти догорел, и не осталось ни одного полена, ни одного сучка – лежала только большая куча горячих угольев, а у незнакомца не было ни лопаты, ни ведра, в котором можно было бы их донести.

Увидев это, пастух повторил: «Бери сколько хочешь!» – и радовался при мысли, что тот не сможет унести с собой жар. Но незнакомец нагнулся, выгреб рукой из-под пепла уголья и положил их в полу своей одежды. И уголья не обожгли ему руки, когда он доставал их, и не прожгли его одежды. Он понес их, как будто это был не огонь, а орехи или яблоки.

На этом месте я перебиваю бабушку в третий раз:

– Отчего же, бабушка, уголья не обожгли его?

– Услышишь, услышишь! Подожди! – говорит бабушка и продолжает рассказывать дальше.

– Когда злой и угрюмый пастух увидал все это, он очень удивился: «Что это за ночь, что злые овчарки не кусаются, овцы не пугаются, посох не убивает, а огонь не жжет?!»

Он остановил незнакомца и спросил его: «Что за ночь сегодня? И отчего все к тебе относится так милостиво?»

«Если ты сам не видишь, я не могу объяснить тебе этого!» – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и отогреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять из вида незнакомца, пока не разузнает, что все это значит, и шел следом за ним, пока тот не добрался до своей стоянки. И пастух увидал, что у этого человека не было даже хижины, а жена его и младенец лежали в пустой пещере, где ничего не было, кроме голых каменных стен.

И подумал тогда пастух, что бедный невинный ребенок может замерзнуть в пещере, и, хотя сердце у него было не из нежных, ему стало жаль младенца. Решив помочь ему, пастух снял с плеча свою сумку, вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот положил на нее младенца.

И в ту же самую минуту, когда оказалось, что и он, жестокосердый, грубый человек, может быть милосерд, – открылись глаза его, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что вокруг него стоят плотным кольцом маленькие ангельчики с серебряными крылышками и в руках у каждого из них – арфа, и услышал, что они громко поют о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от грехов.

И тогда понял пастух, отчего никто в эту ночь не мог причинить зла незнакомцу.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду: они сидели в пещере, спускались с горы, летали по небу; громадными толпами шли они по дороге, останавливались у входа в пещеру и смотрели на младенца.

И повсюду царила радость, ликование, пение и нежная музыка... И все это видел и слышал пастух в темную ночь, в которой раньше ничего не замечал. И ошутил он великую радость оттого, что открылись глаза его, и, упав на колени, благодарил Господа.

При этих словах бабушка вздохнула и сказала:

– Если бы мы умели смотреть, то и мы могли бы увидеть все, что видел пастух, потому что в рождественскую ночь ангелы всегда летают по небесам...

И, положив руку мне на голову, бабушка сказала:

– Запомни это... Это такая же правда, как и то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в луне и солнце, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!..

Видение императора

Это было в те времена, когда Август был римским императором, а Ирод – царем иудейским. И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. То была самая темная ночь, какую когда-либо видели люди. Словно вся земля очутилась под какими-то мрачными сводами. Невозможно было отличить воду от земли и не заблудиться, идя даже по самой знакомой дороге. Да иначе и быть не могло, так как все звезды остались в эту ночь дома, а ласковый месяц отвернул свой лик от земли.

И так же глубоки, как и тьма, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не слышно было дуновения ветерка, и даже осина перестала дрожать. Если бы кто пошел на берег моря, то увидел бы, что волны не бьются больше о берег; а если бы кто пошел в пустыню, песок не хрустнул бы у него под ногами. Все окаменело, и все было недвижимо, боясь нарушить тишину святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не падала, цветы не смели благоухать.

В эту ночь хищные звери не выходили на охоту, змеи не жалили, не лаяли собаки. И – что еще прекраснее – ни один из неодушевленных предметов не нарушал святости ночи, отказываясь помогать какому-либо дурному делу: отмычки не отпирали замков, нож отказывался пролить кровь.

В эту-то ночь в Риме небольшая кучка людей вышла из дворца на Палатине и направилась через Форум к Капитолию.

Незадолго перед тем, на закате дня, окружающие спросили императора, согласится ли он на то, чтобы ему воздвигнули храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, угодно ли будет богам, если ему воздвигнут храм наравне с ними, и

решил раньше принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать его волю. И вот он, в сопровождении нескольких приближенных, отправился совершать это жертвоприношение.

Август велел нести себя на носилках, потому что он был стар и высокие лестницы Капитолия были ему уже не под силу. Он сам держал клетку с голубями, которых он намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов – одни лишь самые близкие друзья. Впереди шли, освещая дорогу, факельщики, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, мечи, священный огонь и остальные принадлежности жертвоприношения.

По пути император весело беседовал с приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельной тишины и мертвого молчания ночи. Только когда они достигли самой вершины Капитолия, где было выбрано место для нового храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи, потому что на краю скалы они увидели какой-то странный предмет. Сначала они приняли его за старый, опаленный молнией ствол оливкового дерева, потом им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды, гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь с ними императора, они все бы тотчас же разбежались и попрятались в свои постели.

– Вот та, – шептали они друг другу, – которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Но почему именно сегодня, в эту ночь, вышла она из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, пишущая свои пророчества на листьях деревьев, зная, что ветер отнесет их тому, для кого они предназначаются?

Они все так перепугались, что, сделай Сибилла малейшее движение, они тотчас же упали бы на колени. Но она сидела неподвижно, как бездыханная. Согнувшись, сидела она на краю скалы и, полуприкрыв глаза рукою, всматривалась в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы рассмотреть что-то, происходившее в это время где-то там, бесконечно далеко. Значит, могла она что-нибудь разглядеть в такую темную ночь!

И в это самое мгновение император и вся свита заметили поразительную темноту ночи. Ничего не было видно даже на расстоянии руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Но от этого неподвижного воздуха они задыхались, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и обессилели. Они чувствовали, что должно совершиться что-то ужасное. Но никто не хотел обнаружить своего страха, и все говорили императору, что это счастливое предзнаменование: вся вселенная затаила дыхание, чтобы приветствовать нового бога. Они предложили Августу приступить к жертвоприношению и говорили, что старая Сибилла покинула свою пещеру, вероятно, для того, чтобы приветствовать императора.

В действительности же все внимание Сибиллы было так поглощено представшим перед нею видением, что едва ли она даже и заметила, как Август прибыл на Капитолий. Мысленно она перенеслась в далекую страну и там, казалось ей, брела по бесконечной равнине. В темноте она постоянно натывалась на что-то, что принимала за кочки. Она наклонилась и оцупала их рукою. Но нет, это не кочки, это – овцы. Она блуждала меж огромных стад спящих овец.

Затем она заметила костер пастухов. Костер горел среди поля, и она побрела туда. Пастухи расположились вокруг огня и спали, а подле них лежали длинные, заостренные посохи, которыми они обыкновенно защищали свои стада от диких зверей. Но вот эти маленькие зверьки, с сверкающими глазами и пушистыми хвостами, что крадучись подползали к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не бросали в них посохов, собаки продолжали спать, овцы не разбежались, и дикие звери спокойно улеглись рядом с людьми.

Вот что разворачивалось перед взорами Сибиллы, но она ничего не знала о том, что делается позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь,

посыпали куренья и император вынул из клетки голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его так онемели, что он не мог удержать птицы. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и исчез в ночной тьме.

Увидев это, придворные недоброжелательно посмотрели на древнюю Сибиллу. Они думали, что она виновата в этом.

Откуда могли они знать, что Сибилле чудится, будто она стоит у пастушьего костра и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди мертвенной тишины ночи. Долго спустя после того, как она услышала эту музыку, Сибилла поняла, что она несется не с земли, а с неба. Тогда она подняла голову и увидела скользившие в темноте светлые лучезарные создания. То были небольшие группы ангелов, которые с радостным пением носились взад и вперед по равнине, словно ища кого-то.

Пока Сибилла внимала пению ангелов, император готовился принести новую жертву. Он умыл руки, очистил жертвенник и велел подать второго голубя. И хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать его, гладкое тело птицы выскользнуло из его рук, и голубь исчез в непроглядной тьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.